

УДК 30

КАКУЮ НАУКУ РАЗВИВАТЬ В ВУЗАХ?

Н. Л. Румянцева (Москва)

В статье выявлены два методологических подхода к формированию научного гуманитарного знания. Они основаны на представлении отношения человек – общество. Первичность человека в таком отношении порождает редукционный подход, первичность общества порождает системный подход. Показана связь указанных подходов с ценностями общества. Исследована взаимосвязь этих подходов на разных этапах эволюции общественных систем. Сделан вывод о непригодности редукционного подхода к исследованию и формированию основ общества.

Ключевые слова: гуманитарное знание, методология, редукционный подход, системный подход, ценности, общество, человек, этапы эволюции.

WHAT SCIENCE TO DEVELOP IN HIGHER EDUCATION INSTITUTIONS?

N. L. Rumyantseva (Moscow)

In the article, two methodological approaches to the formation of scientific humanitarian knowledge are revealed. These approaches are based on representation of the "person-society" relation. The primacy of the person in this regard generates the reduction approach, the primacy of society generates the system approach. Communication of these approaches with the society values is shown. Interrelation of these approaches at different stages of evolution of public systems is investigated. The conclusion is drawn on the unfitness of the reduction approach to research and formation of the bases of society.

Key words: humanitarian knowledge, methodology, reduction approach, system approach, values, society, person, evolution stages.

В России на самом высшем уровне власти осознается опасность, нависшая над страной – превращения ее в ресурсобеспечивающий придаток Запада. Провозглашение целью инновационного развития, позволяющего перейти на шестой технологический уклад, остается декларацией. Одним из рычагов развития экономики является подготовка кадров, готовых к работе с новыми технологиями. Отсюда – задача соединения образования с современной наукой.

Нельзя сказать, что необходимость такого соединения не осознавалась ранее. В европейской, а позднее и в русской традиции наука развивалась в университетах, основным назначением которых было образование. В этом отношении система образования всегда была и элементом системы науки. Однако интенсификация экономического развития предъявляет повышен-

© Румянцева Н. Л., 2014

Румянцева Нина Леонидовна – кандидат технических наук, доцент, Российская государственная академия интеллектуальной собственности.

E-mail: nlrumyantseva@mail.ru

Rumyantseva Nina Leonidovna – Candidate of Technical Sciences, Docent, Russian State Academy of Intellectual Property.

ные требования к интеграции современной науки и образования. Такая работа ведется правительством еще с 1990-х гг. Необходимость создания нормативно-правовой базы такой интеграции дала импульс к появлению федеральной целевой программы «Государственная поддержка интеграции высшего образования и фундаментальной науки на 1997–2000 годы», имевшей статус президентской программы. В 2001 г. была утверждена Федеральная целевая программа «Интеграция науки и высшего образования России на 2002–2006 годы». С этой же целью Министерство образования РФ было преобразовано в Министерство образования и науки РФ.

Происходят изменения в организации преподавательской деятельности. Введены критерии оценки деятельности преподавателей, среди которых повышается роль научной работы, прежде задвинутой в предпоследнюю строку их отчета о работе.

То, что научной работе преподавателя стало уделяться больше внимания, можно только приветствовать. Однако возникает ряд проблем.

Первая. Экономический подход к образованию («Экономика образования») привел к политике «повышения производительности труда» в учебных заведениях. Именно этим путем осуществляется рост, точнее, удвоение зарплаты преподавателей. Та учебная, аудиторная нагрузка, которая раньше планировалась преподавателю, теперь составляет лишь половину полной его загрузки, т. е. соответствует лишь 0,5 ставки преподавателя. Это означает, что полную зарплату преподаватель теперь будет получать за удвоенное количество часов учебной работы. Когда же ему заниматься научной работой? Но этого мало: должен интенсифицироваться и научный труд. Если в советское время написание и опубликование статьи (0,5–1 п.л.) оценивалось как одно-двухнедельный труд (40–80 часов), то теперь появилась норма – 6 часов за статью. Когда же заниматься наукой преподавателю и какую научную статью он может подготовить и написать за 6 часов?

Вторая. Еще более серьезной является другая проблема, а именно, с какой наукой предлагается интегрировать образование. В связи с интеграцией России в мировое научное сообщество принят подход к оценке научной деятельности преподавателя вуза по критерию включения его публикаций в зарубежные базы данных SCOPUS и WOS, а для научных лидеров вычисляется их рейтинг по количеству ссылок на их публикации в мире. В естественных науках взаимодействие отечественной и зарубежной науки всегда было источником ее развития. Но другое дело – гуманитарные науки. Формируясь в разных цивилизационных парадигмах, они, как правило, несут в себе высокий уровень субъективности (точнее, субъектности). Ценностные основания общества, в которых вырос и сформировался ученый-гуманитарий, в большой степени определяют его способ исследования своего предмета и понимание его, даже если он стремится к объективности и убедительности исследования. Это подтверждается исследованиями американского психолога Дж. Брунера, который выявил влияние типа общества на процесс познания у детей индивидуалистических обществ (американского и западноевропейских) и коллективистских обществ (эскимосы, туземцы племени уолоф и др.). Брунер опроверг существующее представление и показал, что для детей индивидуалистических обществ характерен эгоцентризм, ведущий к анимизму, т. е. «склонности рассмат-

ривать все физические явления как созданные человеком или для человека» [1, с. 329]. Для коллективистских обществ характерен противоположный эгоцентризм, ведущий к реализму, т. е. «мир представляется исключительно на уровне реальности» [1, с. 328–329].

Ученым индивидуалистических обществ чужды иные ценностные основания исследований, вряд ли их заинтересует основанная на иных ценностях и потому иная гуманитарная наука – философия, педагогика, психология, обществоведение и т. п. Отсюда малая вероятность для русских ученых, идентифицирующих себя с русским архетипом, заинтересовать своими трудами зарубежных издателей и иметь высокий рейтинг при вводимой системе оценки их деятельности. Отсюда и невозможность при таком подходе сохранить наши русские ценности и культуру, их несущую. И это уже можно наблюдать: иные ценностные основания входят в психологию, философию, культурологию, экономику и другие науки в преподавание их в России. Студентам-менеджерам читают дисциплины по учебно-методическим материалам – переводам американских пособий, в которых, например, «правильным» решением управленческой проблемы считается индивидуальное материальное стимулирование, скрытое «в конверте», а не правильным – моральные стимулы, опора на коллективизм, патриотизм и т. д.

Но, может быть, надо приветствовать этот путь к экономическому преобразению России? Вот, например, мнение принадлежащего к этому направлению Е. Ясина [2]: «традиционные русские ценности во многом привлекательны, но в целом низкопродуктивны» и «для постиндустриальной эпохи эти ценности превращаются в тормоза», тогда как «мировой опыт показывает, что Запад обладает наиболее продуктивной системой ценностей». Нам предлагается западный образец научной и образовательной сфер, построенный на иных ценностях. Что это за образец и в чем его отличие от формировавшегося в нашей стране?

Современная гуманитарная наука опирается на исходное понимание отношения человека и социума и различие ее ветвей – в различном представлении этого отношения. Эти представления можно объединить в два класса: в одном классе – первичен индивид, а общество вторично; в другом классе – первично общество, вторичен индивид. Складывались эти представления в западной культуре еще с античности и несли в себе два методологических подхода: первичность целого, космоса (холизм), а в представлении о человеческом сообществе – первичность государства – общества, лежала в основе подхода, который можно отнести к системному, а первичность индивида – к редуccionному. У авторов второго типа общество рассматривается как сумма индивидов («агрегат»), первичен индивид, его благо (богатство, права и свободы), отсюда индивидуализм – основа его построения. Это мы видим в капиталистическом обществе. В этом подходе из свойства (блага) частей (индивидов) вытекает свойство (благо) целого (общества); редуccionнизм, на котором основано это положение, срабатывал в механистической картине мира (принцип суперпозиции), когда зарождалось капиталистическое индивидуалистическое общество и формировалась механистическая картина мира. В редуccionнистском подходе к построению общества в нем отсутствует иерархия целей, напротив, цели подсистем противоречат друг другу: «так как ниже-

стоящие управляющие системы действуют так, чтобы достичь своих собственных индивидуальных целей, то, вообще говоря, между ними возникает конфликт, который приводит к тому, что, скорее всего, глобальная цель не будет достигнута» [3, с. 118].

В системном подходе общество – целостность, система с иерархией целей, в которой цели подсистем подчинены цели системы, свойства индивидов формируются этой целостностью (не всех, но со временем большинства и не все, а социально значимые) и благо индивида, деятельность которого направлена или не противоречит общей цели (а иная деятельность пресекается), «достраивается» индивидуально на основе блага общества, его идеологии. Это общество с идеологией коллективизма (идеологией системности). В таком типе общества общее благо не есть сумма индивидуальных; в системе (в отличие от механической суммы или агрегата) появляется свойство эмерджентности, потому и целое больше, чем сумма его частей.

Оба подхода – системный и редукционный – зарождались еще в античности. Развитие системного подхода мы видим в трудах Платона, Аристотеля, развитие редукционного («человек – мера всех вещей») – у софистов (Протагора), у стоиков, особенно у Эпикура и Лукреция, у которых выход индивида из-под власти целого отчетливо выражен: не общество формирует человека, а люди формируют желаемое общество, каковы люди, таково и общество.

В фундаментальном труде Н. М. Чуринова «Свобода и совершенство» исследовано возникновение и развитие «космического» и «софистского» (другое его название «универсалистский», т. е. исследующий природу универсума, перешедший в «универсалистско-технологический») подходов к познанию и пониманию мира и места человека в нем [4]. Эти два подхода различаются проектами развития науки и соответствующими моделями мира, типами социальности общества, версиями прогресса, методологическими подходами к познанию мира, типами изучаемой реальности, видом научной рациональности. Можно сказать, что в рамках космического проекта развивается системный подход (согласно которому целое больше суммы частей), а в рамках софистского – редукционизм (согласно которому целое равно сумме частей).

Космический и софистский проекты имеют и свои проекты развития науки – космический (или диалектический), основанный на диалектике и теории отражения, и софистский (или либеральный, или метафизический – но в антиаристотелевском, софистском смысле, принятом в I в. до н. э.) основанный на метафизике, теории репрезентации. В космическом проекте мир познаваем, «теоретизирование выступает как отражение мира» [4, с. 72], в нем мир познается таким, каким он функционирует в соответствии со свойственными ему законами, в софистском – «мир познается в том качестве, в каком он полезен человеку» [4, с. 60]. Любая внутренне непротиворечивая софистская теория неопровержима и имеет право на жизнь, отсюда плюралистичность софистского теоретизирования. Теория репрезентации, лежащая в его основе, утверждает, что научные теории изобретаются, произвольно сочиняются и потому не отражают, а лишь репрезентируют содержание действительности, т. е. представляют одно (т. е. реальность) посредством другого (знаков), удваивая таким образом

мир. В своем граничном варианте (например, у Горгия) теория репрезентации провозглашает непознаваемость мира. Космический проект – это проект мировой гармонии и совершенства, софистский – проект свободной воли индивида, т. е. проект либеральный (отсюда и название цитируемого труда – «Совершенство и свобода»).

Этим проектам науки соответствуют и две модели мира: в космическом – мир как Космос, как определенная совокупность совершенств, в которую общество обязано встраиваться, в софистском (универсалистском) – «мир как Универсум, т. е. как сумма частей, в которой для человека различимы их (частей) потребительские свойства, их способность удовлетворять какие-либо потребности человека» [4, с. 71], а «природа – это сырье, из которого при наличии свободной воли и необходимой технологии субъект может конструировать и изобретать человеческий мир по своему усмотрению» [4, с. 151]. Две модели мира порождают два типа социальности общества – коллективизм и индивидуализм, две версии прогресса – прогресса как движения к совершенству социальных отношений и потребительскую версию – прогресса как формирования, развития и удовлетворения потребностей.

Два проекта порождают две научные рациональности – метафизико-технологическую и диалектико-информационную. «В качестве важнейшего гносеологического стандарта метафизико-технологической рациональности предстает принцип свободы воли, принцип отвлечения от всеобщей связи явлений, принцип удвоения мира. В свою очередь аналогичным стандартом диалектико-информационной рациональности выступает принцип совершенства, принцип всеобщей связи явлений, принцип единства мира» [4, с. 150]. «Если технологическая рациональность в первую очередь и в конечном счете преследует цели эгоизма, ценности и полезности научного знания, то информационная рациональность – цели деятельного совершенства, что так точно было завещано великим русским подвижником рубежа XVIII–XIX вв. святым Серафимом Саровским» [4, с. 94].

Неизбежным в софистско-универсалистском проекте является «плюрализм» концепций и теорий, приведший к релятивизму современного гуманитарного знания, утрате представления об объективной истине, утрате достоверности научного знания.

В последующей истории философской западной мысли системный подход мы находим у критиков капитализма – А. Фергюсона, А. Сен-Симона, Р. Оуэна, К. Маркса, Т. де Шардена и др. В нашей стране этот подход исторически присутствовал и развивался в философско-религиозном направлении мысли (С. Радонежский и его ученики П. Карсавин, Вл. Соловьев, П. Флоренский, Н. Бердяев, С. Булгаков и др.), в философской (А. Хомяков, И. Киреевский, В. Белинский, К. Ушинский, В. Библер, Э. Ильенков, Ф. Михайлов и др.), научной (М. Ломоносов, В. Татищев, Н. Умов, К. Циолковский, В. Вернадский, А. Богданов, Л. Выготский, С. Рубинштейн, В. Давыдов, Б. Эльконин, Л. Занков, Н. Моисееви др.) мысли России как коллективистского общества. Редукционизм характерен для всех основателей и «защитников» капитализма как общества индивидуализма (Д. Локк, Д. Юм, А. Смит и др.). Он со временем менялся в сторону сближения с системным, индивидуализм расширялся до круга семьи, друзей, до производственной солидарности, служебно-деловой «общественно-

сти» и т. д., но системности не достиг, остановившись на уровне тех или иных подсистем общества, в трудах А. Токвиля, Э. Дюргейма, Ф. Тенниса, Ф. фон Хайека, Р. Арона, К. Поппера и др. [5].

Как связаны эти подходы?

Системный подход в соединении с диалектическим, точнее синергетическим, говорит о двух различных этапах эволюции систем: устойчивом, упорядоченном, в котором накапливаются изменения, не меняющие качества системы; при переходе меры эти изменения приводят к неустойчивому, хаотичному состоянию; и, наконец, выход из этого неустойчивого состояния – в новое устойчивое состояние. Этот переход происходит под воздействием случайных факторов. На первом этапе система характеризуется устойчивыми связями своих элементов (иначе это не система), что применительно к обществу означает зависимость подсистем вплоть до индивидов-элементов от этих устойчивых связей, накладываемых системой. Иначе говоря, общество здесь первично, человек им определен в той мере, в какой он член общества. *На втором этапе* связи системы разрушаются, и здесь случайно выдвинувшийся лидер действительно влияет на выбор системой аттрактора и формирование нового типа общества. Первичным оказывается именно такой лидер и поддерживающие его индивиды. Например, таким лидером в начале новой эры оказалась личность Иисуса Христа, определившая новое состояние европейского общества вплоть до Нового времени (эпохи модерна), а в начале XX в. в России таким лидером был В. И. Ленин.

На втором этапе принцип «общество формирует индивида» («бытие определяет сознание») разрывается иным принципом: развитое сознание формирует иное бытие. И это мы видим у эпикурейцев, у киников. Эти представления были обусловлены начавшимся разложением Римской империи. У киников в постклассическую эллинистическую эпоху античности развивается идея выхода индивида из подчинения идеологии общества. И это объяснимо: утрата независимости греческих полисов, упадок нравов Римской империи привели к закономерному отрицанию общественной безнравственности в среде лучших ее представителей. У киников мы видим противопоставление аскетичного и независимого духа индивида безнравственному духу тогдашнего общества.

Итак, сформулированный нами принцип отношения человека и общества, различающийся в системном подходе и редукционизме, работает в устойчивой общественной системе, но не в точке бифуркации, где формируются начала новой системы; действительно в этом состоянии хаоса индивид-лидер может задать новый этап в ее развитии.

Однако, если в устойчивом состоянии общество формирует индивида (сущность человека – это «совокупность всех общественных отношений»), то как же появляются люди, выпадающие из этой схемы, такие, например, как сам автор процитированного тезиса? Какие факторы формируют их?

Для ответа на эти вопросы тезис «общество формирует индивида» требует уточнения. Во-первых, речь идет о ценностном или духовно-нравственном аспекте формирования личности. Далее, здесь тоже можно выделить две позиции. В одной главная роль отводится ценностям идеологии общества, которые проявляются в господствующих производственных отноше-

ниях. Эти отношения и формируют человека в трудовой деятельности. В другой главная роль принадлежит ценностям культуры, в том числе религии, в которых воспитывается человек. Наша позиция такова[6]: в развитии человека можно выделить два этапа: 1) детство и юность, когда еще не начата самостоятельная трудовая деятельность; здесь ведущая роль в развитии принадлежит культуре и воспитанию, приобщающему человека к ценностям культуры или ценностям идеологии общества; 2) зрелость, когда ведущая роль в развитии принадлежит трудовой деятельности и идеологии общества. На всех этапах развитие идет через окружающую человека среду и человеческие отношения, в ней царящие.

Различие этих двух ценностей – один из источников развития системы, выхода человека с развитым сознанием из существующей в обществе идеологии к формированию новой. Существенность различий ускоряет этот переход, несущественность – замедляет. В западном обществе эти противоречия христианства и зарождающегося капитализма с ценностью индивидуализма были сняты, как вывел Вебер, выделившимся из христианства протестантизмом, сблизившим ценности культуры и идеологии, что позволило при широком распространении протестантизма обрести обществу, утратившему системность, некоторую устойчивость. Однако протестантизм не продолжал заложенные еще в античности (в космическом проекте) ценностные представления, и противоречия аксиологических оснований этой системной ветви западной культуры и эгоистическо-индивидуалистических оснований редукционной (софистской) ветви и выросшей на ней идеологии капиталистического общества не разрешались. Индивид, вставший в системную ветвь культуры или в трудностях жизни ощутивший и впитавший в себя ценность дружбы и взаимопомощи, перерастал те связи, которыми связывала его редукционная ветвь и идеология общества, становился «первичным» по отношению к обществу, его развитое сознание могло изменять общество. Идея нравственного общества завладела еще с юности Марксом. Но вращение в другую, софистскую ветвь культуры сохраняло и развивало капитализм. Из этой ветви выходили свои временные лидеры (Макиавелли, Ницше и т. д.).

Итак, теоретически общество, которое строится в редукционном подходе, т. е. индивидуалистическое общество, удерживается в неустойчивом состоянии (точке бифуркации) и так и не становится системой, что приводит это общество к регулярным кризисам и в итоге к его разрушению. Такого рода кризисы мы наблюдаем сегодня. Но можно ли говорить о разрушении, подтверждает ли практика этот теоретический вывод, сделанный еще Марксом? О вымирании народов западной цивилизации свидетельствует статистика ООН: «Для всех Европейских стран (кроме мусульманской Албании) характерно падение уровня рождаемости ниже уровня воспроизводства»... «При сохранении текущего уровня рождаемости к 2100 году население Европы будет составлять менее 1/3 от нынешнего» [7, с. 24–43]. Современная стадия индивидуалистического общества демонстрирует свою нежизнеспособность и потому неприемлемость по самому высшему критерию-цели – способности сохранить свой народ. Факты подтверждают неспособность этого общества стать системой и непригодность редукционного подхода к формированию жизнеспособного общества. Поэтому человечество не может принять редукционный подход формирова-

ния общества не только в силу той или иной культуры, но данный тип социальности не возродит никакой народ – он объективно не системен, а редуccionная методология науки не может построить системное видение общества.

Отсюда вывод: современная гуманитарная наука, как фундаментальная, так и прикладная, должна строиться не на господствующем в индивидуалистической цивилизации редуccionном подходе, а на системно-диалектическом подходе, развивая К. Маркса, Э. Ильенкова и др. (в обществоведении), Л. Выготского, К. Леонтьева и др. (в психологии), В. Давыдова, Б. Эльконина, Л. Занкова и др. (в педагогике), И. Посошкова, А. Богданова, Ю. Осипова и др. (в экономике, точнее, в хозяйственной науке) и т. д.

Не Россия должна «подтягиваться к Западу» в гуманитарных науках, а Запад будет подтягиваться к России в этих науках; если мы это поймем, то будем развивать гуманитарные науки в присущей нашей культуре коллективистской парадигме, а наше государство будет помогать этому развитию.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Брунер Дж.** Психология познания. – М. : Прогресс, 1977. – 413 с.
2. **Ясин Е. Г.** Модернизация экономики и система ценностей // Доклад на 4-й Междунар. конф. «Модернизация экономики России: социальный аспект» (2–4 апреля 2003 г., Москва). – [Электронный ресурс]. – URL: <http://amicable.ru/library/yasin2003.pdf> (дата обращения: 29.04.2012).
3. **Месарович М., Мако Д., Такахара И.** Теория иерархических многоуровневых систем. – М. : Мир, 1973. – 344 с.
4. **Чуринов Н. М.** Совершенство и свобода. – Новосибирск : Изд-во СО РАН, 2006. – 712 с.
5. **Румянцева Н. Л.** Социальная эволюция человека. Системно-диалектический подход. – М. : ЛИБРОКОМ, 2013. – 240 с.
6. **Румянцева Н. Л.** Человек развивающийся (путь к единой культуре): системно-диалектический подход. – М. : ЛИБРОКОМ, 2009. – 224 с.
7. **Бьюкенен П. Д.** Смерть Запада. – М. : АСТ-Москва, 2007. – 444 с.

REFERENCES

1. **Bruner J.** Psychology of Cognition. – Moscow: Progress Publishers, 1977. – 413 p.
2. **Yasin E. G.** Modernization of economy and the system of values // Report at the 4th Intern. conf. “Modernization of Russian Economy: Social Aspects” (April 2-4, 2003, Moscow). – [Electronic resource]. – URL: <http://amicable.ru/library/yasin2003.pdf> (date of access: 29.04.2012).
3. **Mesarovich M., Mako D., Takahara I.** Theory of Hierarchical Multilevel Systems. – Academic Press, New York, N. Y., 1970, 294 p.
4. **Churinov N. M.** Perfection and Freedom. - Novosibirsk: Publishing House of SB RAS, 2006. – 712 p.
5. **Rumyantseva N. L.** Social Evolution of Man. A Systemic-Dialectical Approach. – Moscow: LIBROKOM, 2013. – 240 p.
6. **Rumyantseva N. L.** The Developing Man (a path to a common culture): A Systemic-Dialectical Approach. – Moscow: LIBROKOM 2009. – 224 p.
7. **Buchanan P. D.** The Death of the West. – Moscow: AST-Moscow, 2007. – 444 p.

Принята редакцией 17.11.2013